

АЛЕКСАНДР ГРИНЬ

Кубань в 60-е годы прошлого века (да, наверное, и сейчас) была краем богатейшим: фрукты и овощи, рис (а значит и рыба в оросительных каналах), бахчевые культуры, пшеница, подсолнечник и много другой сельхозпродукции было в избытке. В первый же год отец устроился работать в сельское профтехучилище мастером производственного обучения – готовил трактористов-машинистов широкого профиля. Училище имело свои земли, на которых ученики проходили практику:пахали, сеяли, производили все необходимые агротехнические мероприятия. Отцу дали делянку для посадки картофеля, подсолнечника,бахчевых культур. Вот тут то и началась наша семейная сельхозподготовка – полоть, окучивать, копать картошку, собирать урожай с бахчи, срезать головки с подсолнечника, выбивать из них семечки, сушить, веять их…

Достаточно сказать, что жители города, кроме зарплаты на основном месте работы, почти все имели дополнительный заработок - выращивали и торговали по всему Советскому Союзу ранней капустой. Я и сейчас весной изредка встречаю своих земляков на рынках, бойко торгующих тугими кочанчиками свежей ранней капусты.

Кроме того, рядом с городом располагался совхоз под громким наименование

«Сад-гигант». Это был действительно гигант! Обсаженные тополями, дикой акацией, а иногда и айвовыми лесополосами клетки, примерно 400 на 400 метров, обнесенные иногда колючей проволокой, иногда просто вырытыми для полива каналами, были засажены каждая своим сортом или видом фруктовых деревьев. Сады совхоза занимали несколько тысяч гектаров, и,с раннего лета до поздней осени, по улицам города довольно шустро сновали маленькие колесные трактора с тележками, наполненными дарами этих садов. Два консервных заводика с трудом перерабатывали продукцию этого гиганта. И мы с пацанами, невзирая на внешнее недовольство матерей, бывало, с замиранием сердца прятались в этих лесополосах, норовя, когда не видят сторожа, поживиться в садах совхоза ранней черешней или поздними яблоками и грушами. Можно, конечно, было и на базаре купить, но, во-первых, денег давали нам по рублю только на великие праздники, а, во-вторых, мы чувствовали себя во время этих набегов на совхозные сады чуть ли не Робин Гудами, добытчиками, но никак не мелкими воришками. Да и сколько мы могли взять?.. Кирзовую сумку черешни? Да те же самые сторожа часто, увидев нас, делали вид, что спешат в другой конец сада, давая нам возможность полакомиться плодами… Конечно, разные были люди... Бывало, стреляли солью, но, что-то я не помню, чтобы в кого-нибудь попали… Гонялись за нами на всех видах транспорта: на лошадях, на велосипедах, на мопедах, а чаще - пешком, с дружинниками, милицией (облавы в те времена были не редкостью). Но это только придавало нам некоего чувства «запретного» геройства друг перед другом. И мы снова и снова стремились туда, в райские кущи, полакомиться и принести чего-нибудь домой. Если быть до конца честным, то с моей первой добычей – небольшой сумкой черешни, произошла такая история: я, сын учительницы, приехавший недавно на Кубань с Урала (который всегда славился честным и неподкупным, добрым и гостеприимным народом), впервые пошел с ребятами «по черешню». Когда я, довольный собой принес свою добычу домой и гордо предложил маме, она спросила:

-Где ты это взял?

Я ответил:

-Мы с ребятами нарвали черешню в совхозном саду…

-Значит, украл? - спросила мама.

-Да нет, просто взял…

-Сейчас же отнеси и отдай сторожу, я к этой черешне даже не прикоснусь. Мне противно есть краденое!

Я представил себе, что мне снова предстоит пройти тот путь, который мы с пацанами проделали в этот день (километров пять пешком туда и столько же обратно), и мне стало грустно. Не столько от того, что моя любимая мама так остро восприняла мой первый опыт «добытчика» (мальчишки говорили, что их за это дома хвалят), сколько от осознания невозможности этого предприятия – дело было уже к вечеру. Ослушаться я не мог, но как-то схитрить… Так один обман тянет за собой другой – ведь мама не знала, где находится этот совхозный сад… Я вышел на улицу, где ребята, с которыми мы ходили, уже играли в футбол, сказал им, что дома черешни полно, мол, отец привез, и раздал всю черешню своим друзьям… Они, наевшиеся до отвала в саду, всё равно с удовольствием навалились на моё угощение (черешня имеет свойство – сколько её не ешь, всё равно через десять минут хочется ещё). Вскоре сумка опустела… Я поиграл с ними в футбол спущенным волейбольным мячом и потащился домой в предвкушении разговора с отцом – мама наверняка рассказала ему о моём приключении…

Отец, конечно, был уже дома и, конечно, знал о нашей размолвке с мамой. Но, к моему удивлению, словом об этом не обмолвился… Он сам вырос в колхозе и наверняка слышал о подобных историях не раз…
Спустя несколько дней, мне и моему товарищу Сереге (теперь я понимаю, что с подачи моего отца) было предложено поработать в колхозе на сборе фруктов и мы, конечно, согласились. Рано утром, еще не взошло солнце, меня разбудил отец и сказал, что колхозная машина останавливается в 6.30 утра на соседней улице. Нужно успеть, Серега уже стоит у своего двора.
Я наскоро умылся, оделся, взял с собой ведро для сбора фруктов и потащился с Серегой на машину… Там наверху открытой машины, на деревянных лавках уже сидело несколько ребят и девчонок из нашей школы. Мы быстро освоились и к концу поездки (а ехать было километров 12-15) уже знали, что будем убирать яблоки в саду колхоза «Путь к коммунизму». Что норма составляет пятнадцать четырехведерных ящиков, что платят по четыре копейки за ящик, что кормят в обед «на убой», что в качестве премии каждый получает в конце дня ведро яблок любого сорта и что самое престижное, но и самое трудное – возить ящики на лошадиной упряжке – платформе из сада на склад. Какой мальчишка, да еще из казачьей семьи, откажется поухаживать за лошадью, самому запрячь её в «платформу» и лихо проехаться (пока пустой) от бригады до сада!
Вначале главный агроном провел с нами инструктаж по технике безопасности и рассказал, как правильно срывать яблоки с веток. Оказывается, для того, чтобы сохранить почку, на которой в следующем году вновь вырастет яблоко, нужно не срывать, а аккуратно взяв всеми пальцами яблоко, слегка повернуть его по часовой стрелке и оно само упадет вам в ладонь. И в ведро, висящее рядом на ветке с помощью специального крюка, яблоко нужно класть, а не бросать… Из ведра яблоки аккуратно, по одному, нужно перекладывать в ящики.
Работа была для нас, пятиклассников, довольно тяжелой: целый день лазать по деревьям, собирая яблоки, спускать полные ведра вниз и аккуратно перекладывать их в ящики. С Серегой вдвоём мы с трудом забрасывали тяжеленные ящики на платформу. Зато каким вкусным был во время обеда борщ с мясом, сваренный из свежайших, выращенных здесь же, в колхозе, овощей. В бригаде, под навесом был врыт в землю стол с лавками. За стол садились все – взрослые, весёлые дядьки-трактористы, молодые женщины, работающие на прополке, старик-конюх, бригадир. А потом, когда взрослые уходили на работу, во вторую смену сажали нас, мальцов и мы чувствовали себя равноправными работниками, не шумели, не баловались, а ели степенно, со вкусом. Можно было попросить добавки и повариха с удовольствием доливала в миску еще пол-порции борща. Второе, как правило, было кашей с мясом… И узвар – компот из сухофруктов.
После обеда короткий отдых, во время которого мы с парнями ходили кормить лошадей и жеребят в загоне около бригады. Каждый припасал во время обеда краюху черного хлебы с солью (считалось, что лошади очень любят именно черный хлеб с солью), и мы наперебой предлагали свои дары жеребятам – стригункам. Однажды, когда я кормил полюбившегося мне жеребенка, кобыла, его мать, как-то незаметно подошла сбоку, развернулась ко мне задом и внезапно ударила меня подкованным копытом. Жизнь мне сохранило то, что удар пришелся в горизонтальную жердь загона, однако, жердь спружинила и довольно чувствительно треснула мне по лбу… Тотчас на лбу выросла огромная шишка, и дня два болела голова. С тех пор я боялся близко подходить к

жеребенку, но иногда, всё-таки осмелившись, кормил его хлебом, когда его мать была в другом конце загона.
После обеда нужно было успеть выполнить «норму», а работать на сытый желудок ох как не хотелось! Потом мы приноровились выполнять основную часть работы до обеда, и было уже проще. В течение дня мы отбирали самые спелые, самые крупные яблоки, так как разрешалось каждый день уносить домой по ведру. Мы были несовершеннолетними, поэтому работали сокращенный рабочий день. Часа в три пополудни с бригады слышались частые удары по рельсу и мы, со своими ведрами, наполненными в течение дня самыми лучшими яблоками, торопились занять места в кузове ГАЗ-51 оборудованном под перевозку людей. Каким долгожданным был для нас, уставших от работы, этот звон!
Мы ехали домой, довольные тем, что мы работаем как взрослые, что на листе ватмана, на котором отмечал учетчик выполнение нормы, появилась цифра в копейках, которую нам в конце месяца выплатят. Заработок был неважнецкий, но для нас 14-15 заработанных рублей были почти сказочным богатством. Мы мечтали, что купим на заработанные деньги: кто-то хотел фотоаппарат, кто-то - велосипед, кто-то – к школе одежду… А дома мама, встречая меня с работы, всегда хвалила:
-Вот наш кормилец пришел… Молодец! Теперь у нас яблок хватит на всю зиму. Садись ужинать – и подкладывала мне самый лучший кусочек…
И я был горд тем, что ко мне относятся как ко взрослому. Конечно, хотелось погулять, сбегать на речку Протоку, которая несла свои мутные воды в неведомые края. Понежиться на промытом песке, на острове, намытом рекой прямо напротив улицы, на которой стояла наша школа.
Много чего хотелось, но – другие, взрослые заботы появились у рано взрослевших пацанов в бывшей станице Славянская, а теперь – городе Славянске - на - Кубани.